

УДК 342.41

КОНСТИТУЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Кунец Анастасия Геннадьевна,

магистр юридических наук

старший преподаватель кафедры международного права
Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
Республика Беларусь, г. Минск

Темы проникновения информационных технологий в современное общество с каждым пятилетием только возрастают, достаточно сравнить скорость распространения современных телекоммуникационных сетей с темпами развития сети приема традиционных средств массовой информации: так, в США радиовещание смогло расширить число своих пользователей до 50 млн человек за 38 лет, телевидение – за 13 лет, интернет – за 4 года. Информационное общество не просто вырастает из ставшего уже традиционным постиндустриального общества, а постепенно поглощает его вместе со сложившейся за последние века системой правового регулирования. Современный человек все больше услуг получает через компьютерные сети, все больше времени он проводит в интернете. Одновременно человек приобретает новые контакты, будучи интегрированным в ту или иную социальную сеть, он участвует в потреблении и производстве информации, тем самым участвуя в глобальном процессе уплотнения социальных связей, накопления социального капитала именно в трансграничной компьютерной сети. Современный человек все более становится похож на «кибернавта ... гражданина совершенно другой страны, в которой иной язык, иные нравы и обычаи, иные законы» [1, с. 265]. Человек не просто пользуется информационно-коммуникационными технологиями, он вступает в полноценные правовые отношения. Следовательно, проникая в киберпространство, традиционные отрасли права (конституционное, уголовное, гражданское, административное и прочие) непременно должны видоизменяться, адаптироваться к необычным условиям правоприменения.

Конституции Республики Беларусь, Российской Федерации и иных государств – членов Содружества Независимых Государств представляют собой конституции доцифровой эпохи. В начале XXI в. информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) стали одним из факторов, существенно влияющих на развитие общества. Их революционное воздействие касается государственных структур и институтов гражданского общества, экономической и социальной сфер, науки и образования, культуры и образа жизни людей [2, с. 394]. Если представить, что ИКТ – это не просто новое средство коммуникации, а новая сфера обитания человеческой цивилизации, новая сфера человеческой активности и новая сфера применения права, то с какими трудностями и вызовами сталкивается Основной Закон государства в условиях новой парадигмы современного общества?

Концепция современных вызовов пониманию Конституции в контексте становления информационного общества затрагивается в научных трудах множества отечественных и зарубежных ученых юристов (Г. А. Василевич, И. Л. Бачило, В. Д. Зорькин, М. И. Катш, М. А. Лапина, В. Н. Руденко, М. А. Федотов, Л. Лессиг и др.), что позволяет констатировать необходимость определения влияния информатизации общества на Основной Закон государства и на развитие конституционного права в целом [3, с. 33].

В связи с этим М. А. Федотов высказывает предположение о необходимости обретения Конституцией «своего интернет-измерения» [1, с. 262], так как правовое регулирование возникающих общественных отношений посредством конституционно-правовых отношений века прошедшего будет сталкиваться с определенными трудностями в их реализации в XXI в. Следовательно, Конституция и конституционное право обретают свое новое понимание, основанное на расширяющемся влиянии и проникновении ИКТ в жизнь современного информационного общества.

При рассмотрении вопроса о факторах в процессах информатизации и создания условий для реализации информационного общества важно понимать, что информационное общество – это особая характеристика состояния социума одновременно глобального, планетарного масштаба и локального, на уровне

одного государства, так как мировое сообщество и отдельные государства решают одновременно ряд проблем, которые теснейшим образом переплетены [4, с. 225]. Ряд ученых (И. Л. Бачило, М. А. Лапина, Л. Лессиг, М. А. Фадеев) проводит непосредственную связь между развитием гражданского и информационного общества и наполнением новым содержанием такие характеристики государства, как социальное, правовое и демократическое. При этом обнаруживают свое действие факторы, которые можно рассматривать комплексно и которые в целом влияют на состояние государственности [4, с. 225], а также на проблематику существования Основного Закона государства и конституционного права в целом в киберпространстве.

В процессе развития ИКТ, интернет-коммуникации и сетевых сообществ конституционное право, являющееся регулятором фундаментальных отношений в жизни общества и государства, сталкивается с проблематикой трансграничности киберпространства и определения пространственного критерия прямого действия Конституции. Также существенным препятствием определения действия Основного Закона государства по кругу лиц может являться распространенное явление анонимности субъектов сети Интернет.

Трансграничность представляет собой одну из важнейших характеристик киберпространства, несмотря на тот факт, что последнее до сих пор не имеет общепризнанного юридического определения в отечественном законодательстве [1]. Следствием подобной правовой лакуны, по мнению некоторых ученых юристов, может являться юридическая неполнота нормативных определений основных конституционно-правовых понятий [1, с. 266], построенных на понимании сети Интернет в контексте уходящей эпохи массмедийного информационного общества [5, с. 50]. По мнению М. А. Фадеева, первоочередной задачей законодателя является формирование современного легального интернет-тезауруса, с помощью которого современное государство смогло бы выработать соответствующие правовые нормы, способные работать в сети Интернет, благодаря которым существенно облегчится задача определения границы государственного суверенитета и юрисдикции в киберпространстве [1, с. 267]. Соглашаясь с вышеиз-

ложеной позицией отечественного юриста следует отметить, что киберпространство заставляет современного ученого-правоведа пересмотреть классическое представление о действии правовых норм в пространстве, во времени и по кругу лиц, так как трансграничная сеть Интернет не признает государственных границ, следовательно, понятие пространства лишается своей географической определенности, понятие же времени более не является привязанным к какому-либо часовому поясу, а понятие круга лиц более не подразумевает лишь физических и юридических лиц, а расширяется за счет включения в его содержание персональных компьютеров и иных устройств сетевого взаимодействия, идентифицируемых по их IP-адресам и другим технологическим характеристикам.

Подобное безграничное понимание трансграничности интернет-пространства свойственно не всем ученым юристам. По мнению А. Г. Серго, с точки зрения государственного суверенитета и национальных технических возможностей, трансграничность сети Интернет все-таки имеет свои определенные пределы. Так, государство может ограничивать доступ граждан к сети Интернет либо строго центрировать поток информации, получаемой и размещаемой пользователями в глобальной сети. Однако, по мнению А. Г. Серго, подобные ограничительные меры могут иметь негативные последствия для реализации прав граждан данных государств и отрицательно сказаться на имидже государства как субъекта международного права.

На наш взгляд, примером ограничения глобального аспекта киберпространства может являться введение национальных доменных зон, строго привязанных к соответствующим доменными именам и IP-адресам государств. Первые шаги в этом направлении уже были сделаны в октябре 2007 года, когда с согласия Корпорации по управлению доменными именами и IP-адресами (от англ. Internet Corporation for Assigned Names and Numbers) дан старт тестированию международных доменов верхнего уровня на 11 национальных языках, среди которых есть домен верхнего уровня на русском языке.

Соглашаясь с мнением А. Г. Серго, следует отметить, что эффект от подобных механизмов может быть оценен двояко, так как:

— во-первых, нельзя не заметить, что создание национальной доменной зоны и государственной поисковой системы может интерпретироваться и как подготовительные шаги к отделению национальной сети Интернет, а именно Рунета, который в равной мере может интерпретироваться сегодня и как доменная зона «.ru», и как совокупность русскоязычных интернет-ресурсов, от общей среды глобального киберпространства. Однако наличие национальной доменной зоны позволяет в принципе объявить эту зону находящейся под государственным суверенитетом Российской Федерации и тем самым открыть путь для установления законов, регулирующих деятельность в этой зоне, что решает проблематику трансграничности киберпространства;

— во-вторых, появление кириллической доменной зоны имеет определенный ряд технических особенностей:

а) домены в зоне «.рф» останутся недоступными для иностранных пользователей Интернета, не имеющих кириллической клавиатуры;

б) дополнительные проблемы появятся даже у пользователей сети Интернет в других странах, использующих кириллицу (Болгария, Сербия и др.), поскольку алфавит данных государственных языков имеет несколько иной набор кириллических знаков-символов;

в) подобный переход на кириллический домен верхнего уровня не избавит пользователя от необходимости набирать «http://» и «www» в строке адреса, а значит, дополнительно переключать клавиатуру;

г) на данный момент не решена проблема написания адресов электронной почты на кириллице;

д) по мнению А. Г. Серго, появление национальной доменной зоны не только не устраняет опасность спама, фишинга и киберсквоттинга, а, наоборот, расширяет поле деятельности сетевых мошенников [6].

Безусловно, возможность подобной идентификации пользователя сети Интернет крайне важна для развития цифрового государства, для защиты персональных данных граждан от незаконного сбора и разглашения, однако проблема определения действия правовой нормы по кругу лиц не может являться решенной, так как феномен анонимности в сети Интернет

является таким же неотъемлемым свойством киберпространства, как и трансграничность. Это предопределено особенностью информационного взаимодействия в киберпространстве, когда сведения создаются, обрабатываются и потребляются сетевыми устройствами, в то время как непосредственные пользователи и создатели данной информации могут оставаться неузнанными, скрываясь за сетевыми именами: никами (от англ. nicknames).

Анонимность субъекта сети Интернет является неотъемлемой частью киберпространства, которая в свою очередь предоставляет пользователю возможности выбора форм самоопределения и самовыражения в сети – от использования вымышленных никнеймов до шифрования своих сообщений от широкого круга пользователей [7]. По мнению американского ученого-правоведа Л. Лессига подобная широта самовыражения в киберпространстве дает ощущение «права приватности» [7] (перевод – А.К.), которая в свою очередь заключается:

— в праве, какую именно информацию другие пользователи сети будут знать о вас;

— в праве определить, будут ли они знать ваше имя или кто вы;

— в праве определить вашу национальную идентичность.

Таким образом, пользователь сети Интернет может контролировать поток информации, которая достигает иных пользователей, тем самым анонимность в данном случае становится механизмом защиты сферы личной жизни.

Однако анонимность в киберпространстве дает пользователю ощущение своего рода власти, которая не сопутствует анонимности в реальной жизни. Анонимность в киберпространстве приобретает максимальную социальную пластичность [7], которая создает возможность полностью скрыть идентичность пользователя либо подменить ее иной идентичностью.

Подобное свойство киберпространства создает благодатную почву для различного рода преступлений в сфере высоких технологий, которые относятся к комплексному виду угроз, так как:

1) они посягают на законные интересы граждан;

2) их рост провоцирует недоверие граждан к развитию и использованию ИКТ в целом, что препятствует построению информационного общества и электронной экономики;

3) данные преступления способны наносить вред критически важным объектам жизнеобеспечения государства, что может причинить ущерб национальной безопасности государства [8, с. 5].

Следовательно, необходимость государственного регулирования анонимности в киберпространстве является обоснованной интересами национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, а также прав и свобод других лиц [9, ст. 23].

Анализируя правовую возможность и необходимость контроля анонимности в киберпространстве, следует обратиться к рассуждениям американского юриста Л. Лессига, который проводил анализ правовых последствий перлюстрации, проводимой Федеральным бюро расследований Соединенных Штатов Америки (далее – ФБР) после событий 11 сентября 2001 г. ФБР санкционировало внедрение в киберпространство, и в частности в зону национального домена Соединенных Штатов Америки, вирусной компьютерной программы – «червя», который проникал в жесткий диск пользователя сети Интернет и пересылал копию всех находящихся на нем данных непосредственно в ФБР. После того, как «червь» заканчивал пересылку информации, он бесследно самоуничтожался таким образом, что пользователь и не мог предполагать, что его данные были собраны и переданы в государственный орган для дальнейшего анализа и возможного привлечения к ответственности [7, с. 15]. Задаваясь вопросом о конституционности подобных мер, Л. Лессиг пришел к выводу, что подобные меры являются обоснованными на основании нормативного толкования поправок Конституции Соединенных Штатов Америки, а именно: первой поправки, закрепляющей свободу слова, свободу религии, свободу прессы, свободу собраний и право на подачу петиции; а также четвертой поправки, запрещающей произвольные обыски и аресты в отношении граждан [7].

Законное ограничение анонимности лица в сети Интернет обуславливается необходимостью защиты прав и свобод других лиц, общества в целом от злоупотреблений правопользователя [10]. Таким образом, ограничения анонимности основываются на интересах развития демократического и правового государства, где обеспечиваются не только интересы общества, но и отдельного человека [10].

Примером национального правотворчества в области определения действия правовой нормы по кругу лиц в киберпространстве является разработка блока нормативных правовых актов, регулирующих установление правовых основ применения электронных документооборота и электронной подписи в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 года № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», Указ Президента Республики Беларусь от 15 июня 2015 г. № 243 «Об электронном документообороте при подготовке и принятии правовых актов», Указ Президента Республики Беларусь от 23 января 2014 г. № 46 «Об использовании государственными органами и иными государственными организациями телекоммуникационных технологий», Указ Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2011 г. № 515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь».

В качестве институциональной поддержки по реализации развития информационного общества и совершенствования государственной информационной политики в данной области в Республике Беларусь на основании Указа Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2011 г. № 515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь» было создано республиканское унитарное предприятие «Национальный центр электронных услуг» [11, п. 4] (далее – РУП НЦЭУ), являющееся уполномоченным национальным оператором межведомственных информационных систем и межгосударственного электронного взаимодействия [11, п. 5.1]. Также РУП НЦЭУ участвует в формировании и развитии государственной системы оказания электронных услуг государственным органам, организациям и гражданам на возмездной и безвозмездной основах [11, п. 5.3]. Таким образом, РУП НЦЭУ является связующим звеном, инфраструктурным оператором важнейших межведомственных информационных систем, составляющих фундамент электронного правительства в Республике Беларусь.

Проведенное исследование перспектив влияния информатизации общества на развитие конституционализма позволило сформулировать следующие выводы:

1. В настоящее время киберпространство заставляет современных ученых-правоведов пересмотреть классическое представление о действии правовых норм в пространстве и по кругу лиц, так как трансграничность и анонимность пользователей сети Интернет наполняет содержание данных классических категорий права новым содержанием, так как трансграничность не признает государственных границ и юрисдикции, следовательно, понятие пространства более не связано с географической определенностью. Понятие круга лиц в контексте анонимности более не связано с физическими и юридическими лицами, а подразумевает идентификацию по IP-адресам и другим технологическим характеристикам персональных компьютеров пользователей.

2. Создание национальной доменной зоны позволяет отчасти решить проблему трансграничности киберпространства. Однако подобные «закрытые сетевые анклав» [6] способствуют распространению киберпреступности в данной национальной доменной зоне.

3. Таким образом, необходимость государственного регулирования киберпространства является пропорциональным ответом на вызовы фундаментальным отношениям в жизни общества и государства в эпоху становления информационного общества.

Список использованных источников

1. Федотов, М. А. Перспективы конституционализма в условиях информационного общества / М. А. Федотов. – Современный конституционализм: вызовы и перспективы : материалы науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции РФ ; отв. ред. В. Д. Зорькин. – М. : Норма, 2014. – 480 с.

2. Василевич, Г. А. Белорусское государство на рубеже веков / Г. А. Василевич. – 2-е изд., доп. – Минск : Право и экономика, 2007. – 509 с.

3. Преснякова, А. В. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни в условиях информатизации общества : современный зарубежный опыт : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. В. Преснякова. – М., 2010. – 196 л.

4. Бачило, И. Л. Информационное право : учеб. для академического бакалавриата / И. Л. Бачило. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Брайт, 2018. – 419 с.

5. Иванский, В. П. Теоретические проблемы правовой защиты частной жизни в связи с использованием информационных технологий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. П. Иванский. – М., 1998. – 273 л.
6. Серго, А. Г. Доменные имена. Правовое регулирование / А. Г. Серго. – М. : Рос. гос. академия интеллект. собственности (ФГБОУ ВПО РГАИС), 2018. – 332 с.
7. Lessig, L. Reading the Constitution in Cyberspace [Electronic resource] / L. Lessig. – Mode of access: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=41681. – Date of access: 10.02.2019.
8. Мороз, Н. О. Международно-правовое сотрудничество в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий : монография / Н. О. Мороз. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – 266 с.
9. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
10. Василевич, Г. А. Научно-практический комментарий к Конституции Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Г. А. Василевич // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
11. О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 8 нояб. 2011 г., № 515 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 8125. – 1/13064.